

*Л.Г.Протасов**

КОМИТЕТ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ: СОЦИОПОРТРЕТ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В настоящей статье дан анализ структуры и деятельности Комитета членов Учредительного собрания, которое было создано в Самаре летом 1918 г. и стало первым демократическим правительством в России. Дан анализ социального и национального состава провинциального правительства.

В истории каждого края, региона есть особое, знаковое, только ему присущее событие, через которое, однако, его локальная история смыкается с общероссийской. В силу этого оно обретает общероссийский масштаб и значимость. Для Тамбовщины это, конечно же, «Антоновщина», всем широко известная. Для Самары, на мой взгляд, это Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), известный, пожалуй, только специалистам, но, бесспорно, представляющий собой исторический феномен общероссийского смысла и значения.

Можно сказать, что Комучу не повезло дважды: в его реальной жизни и в виртуальной – историографической. За ним прочно укрепилась (с «подачи» бывшего члена Комуча и его министра, а впоследствии сталинского дипломата И.М. Майского) репутация «демократической контрреволюции», образ так называемого «третьего пути» в революции, с обязательной при этом оговоркой, что третьего не дано. Судьба Комуча, на поверхностный или пристрастный взгляд, это как будто бы подтверждает. Однако само по себе доказательство *ad absurdum*, от противного, к истории неприменимо. Оценивать жизненность политики Комуча, прежде всего социальной, его демократический потенциал бессмысленно в координатах и категориях гражданской войны, когда все решали прежде всего военная сила, готовность идти к своей цели до конца, невзирая ни на какие жертвы, не связывая себя моральными обязательствами. В этой ситуации Комуч, оказавшись между «красным» и «белым» жерновами, действительно, имел весьма мало шансов на успех или не имел их вовсе, но это не лишает историков права рассматривать связанные с ним альтернативы развития, наверняка менее болезненные для страны.

В этой связи на память приходит поучительный эпизод, связанный с человеком, которому посвящена данная научная конференция. Мне немного доводилось видеть Е.И. Медведева («Ефрема», как звали его в академических кругах), я был мало знаком с ним. Но как полноценный жизненный урок воспринял его выступление в Волгограде в 1977 г. при подведении итогов конференции «Рабочий класс России в 1917 году». Говоря о том, что историю революции обычно сводят к борьбе двух лагерей – революционного и контрреволюционного, проф. Е.И. Медведев упомянул Мольтке-старшего, германского военного теоретика, генштабиста, который и на смертном одре повторил: «Укрепляйте левый фланг, укрепляйте левый фланг...» «Так и я, – заключил

* © Протасов Л.Г., 2004

Протасов Лев Григорьевич – кафедра отечественной истории Тамбовского государственного педагогического университета

Е.И. Медведев, до гробовой доски буду повторять: в революции боролись три лагеря...»

Комуч и политически и персонифицированно выражал именно тот третий лагерь, о котором говорил проф. Е.И. Медведев, и в этом качестве заслуживает пристального внимания. Это и определило выбор мною темы, связанной с Самарой, силой обстоятельств ставшей одним из центров вооруженного сопротивления большевистской диктатуре. Другой побудительный мотив состоит в том, что наша наука, наконец, вернулась от истории идей к истории людей. Семь десятилетий она шла к осознанию того, что центральной фигурой революции был человек, преследующий свои конкретные цели, сколь бы различны и противоречивы они ни были.

«Сырьевой» базой для данной статьи является так называемый «Полный список 95 членов Всероссийского Учредительного собрания», помещенный в журнале «Воля России» (Париж, 1928 г., № 8-9). Аутентичность самого списка, правда, вызывает сомнения, поскольку в нем отсутствуют Н.П. Огановский и Л.Я. Герштейн, которые, по другим данным [5,409; 7,858], пробрались в Самару и вошли в Комуч. Напротив, необъяснимо наличие в списке Н.В. Левченко, якобы саратовского депутата, хотя на самом деле он избран не был и в окружном кандидатском списке ПСР был лишь 14-м (от Саратовской губернии были избраны 11 эсеров). Можно предположить, что Левченко, оказавшись «под рукой» в Самаре, заменил казненного большевиками саратовского депутата-эсера И.И. Котова [4,119]. Известно ведь, что не все деятели Комуча были в действительности депутатами ВУС, как, например, М.А. Веденяпин или тот же И.М. Майский. Оговоримся, впрочем, для общей оценки коллективного портрета Комуча детали и нюансы подобного рода малосущественны.

В целом есть основания говорить о всероссийском представительстве Комуча, по крайней мере, в границах собственно России. В него вошли депутаты от 35 губерний и областей, трех фронтов действующей армии. Из великорусских не представлены лишь 13 территорий, но напомним, что помимо Комуча действовали также Юго-Восточный комитет ВУС (Екатеринодар) и Прикамский комитет ВУС (Ижевский завод), не имевшие отличных от Комуча целей и политически с ним ассоциированные. Ряд депутатов просто не смогли пробиться через линию фронта, подобно А.Р. Гоцу, М.В. Вишняку, И.И. Бунакову-Фондаминскому [1,34-36]. Понятно, почему полнее всего в Комуче представлена Самарская губерния – 9 депутатов, да и вообще Поволжье, давшее четверть всего состава Комуча. Далее идут Сибирь, Урал, Центральная Россия, по 15 – 18 деятелей, а также фронт – 8. То, что местом встречи членов ВУС бюро эсеровской фракции указало Поволжье, было обусловлено конкретными обстоятельствами (ни Петроград, ни Москва после переезда туда Совнаркома, ни Киев, намеченный прежде, но взятый вскоре войсками большевиков, не подходили для организации отпора крепнувшей «пролетарской» диктатуре), но выбор был удачным, даже без учета неожиданного содействия чешских легионеров. Он был удачен прежде всего геополитически. Здесь можно было рассчитывать на поддержку федералистов инонациональных территорий, начинавших постигать имперскую суть большевистской национальной политики. Примерно пятую часть членов Комуча составили депутаты, избранные по татарским, чувашским, башкирским, казахским спискам, а также от казачьего субэтноса. По сути, в Самаре в географической миниатюре была «Вся Россия», а также отдельные депутаты из Украины, Белоруссии и Бессарабии.

Очевидно, что географическое представительство регионов в весьма значительной степени определялось конфигурацией фронта разгоравшейся Гражданской войны. Хотя сплошной линии не существовало, не всем удалось пробиться через нее (из западных губерний, прежде всего). При переходе фронта (правда, уже в обратном направлении) был схвачен «красными» и опознан М.Л. Коган-Бернштейн, которого статус члена

Учредительного собрания не защитил от расстрела. Вполне логично, что Комуч подпитывался кадрами из ближайшего тыла – Урала и Западной Сибири. Лишь единично представлены более отдаленные восточные территории, что, впрочем, скорее объяснялось тягой «восточных» эсеров к самостоятельности от партийных центров и к областным правительствам в Сибири и Приморье.

Помимо институционального аспекта, Комуч должен быть оценен как слепок с провинциальной политической элиты России эпохи революции. Оговоримся, что, согласно с принятыми в науке критериями, элитам присущи такие функциональные свойства, как доступ к информации, участие в принятии ответственных решений и создании представлений, целеполагание, дающее образцы поведения для широких общественных слоев. Притом это была именно провинциальная элита. Среди сотни членов Комуча было всего 8 человек из списка «обязательных» кандидатов в депутаты ВУС, списка, утвержденного 7-м советом ПСР, да и те почти все были местными деятелями. Из «звездных» политиков, известных всей стране, были В.М. Зензинов, О.С. Минор, Е.Е. Лазарев, Н.И. Ракитников, в разное время входившие в состав ЦК ПСР. Остальные обрели «имя» уже в связи с деятельностью Комуча. Общеизвестна приоритетная роль «провинциалов» П.Д. Климушкина, И.М. Брушвита, В.К. Вольского, Б.К. Фортунатова в создании Комуча.

Излишне говорить о преобладании в нем эсеров, для коих Учредительное собрание было символом веры: вместе с близкими к ним национальными депутатами – 3/4 всего состава. Это давало им возможность формировать политическую линию Комуча. Однако состав Комуча намекает на глубину и множественность внутрисеровских разногласий. Примечательно, что далеко не все эсеры, фактически находившиеся на подвластной территории Комуча, присоединились к нему: например, в Саратовской губернии – только 4 из 11 депутатов. Очевидно также, что он явился пунктом притяжения социалистов, так сказать, с «человеческим лицом».

Что касается социографического облика Комуча, то надобно признать, что некоторые его штрихи не вполне ясны. Образно говоря, этот «портрет» выглядит нечетко, словно на ранних дагерротипах, из-за пробелов в источниках, несмотря на многолетние поиски автора в этом направлении. Увы, революция заботится об источниках не более, чем о людях, но и бессмысленно предъявлять претензии ее природе.

По нашим наблюдениям, средний возраст Комуча составлял 36,5 лет. Эта усредненная цифра скрывает, однако, серьезные различия. Годы рождения оказались не равномерно распределенными по возрастным классам (на примерно полувековом отрезке), а имели явные сгущения и пики. Можно выделить две генерации. Первую, небольшую, составляют учредилловцы 1850-х – начала 1870-х годов рождения, которым в 1918 г. уже перевалило за 40 лет. Их немного – 16. Подавляющее большинство (свыше 2/3) родилось в 1880–1890-е годы. За этим вроде бы заурядным фактом кроется общероссийская тенденция, не оцененная по достоинству историками. Лидерство «восьмидесятников» в леворадикальном движении настолько очевидно, что удивительно, как оно до сих пор не принято во внимание наукой. Объяснение самого факта лежит явно вне сферы политики, поскольку связано прежде всего с влиянием модернизационных процессов, в частности, на демографическое поведение крестьянства. Оно привело к всплеску рождаемости в конце 1870 – 1880-х гг. – периода демографического «взрыва» в деревне и пика аграрного перенаселения. Деревня «перегрелась» неконтролируемой рождаемостью крестьянства при общем сокращении детской смертности. Крестьянская молодежь устремилась в города за работой, образованием, карьерой, составив к началу XX века критическую массу маргиналов – горячий материал для революционного пожара. Показательно, что 60% членов Комуча – выходцы из сел, деревень, аулов и станиц, хотя своим продвижением были обязаны городу.

Разносистемность города и деревни обеспечила не вращение, а ломку прежних укладов жизни и биоритмов. Город и значительная часть села оказались в состоянии стресса, индивидуальной и массовой социокультурной и социально-политической агрессии [2,228-229]. Налицо корреляция демографических и политических процессов, обеспечивших российские потрясения начала XX века.

Разумеется, мощный выброс молодых радикалов в начале XX века – не новость для исследователей. Но обычно его связывают с общественным подъемом в стране, с влиянием революции 1905 года. Однако далеко не очевидно, что здесь являлось причиной, а что следствием, и попытка решить вопрос «событийно» в научном смысле бесплодна.

Сословный состав хоть и размывался, да и в реальности утрачивал прежний смысл, все же ценен для историка как социальный индикатор. Среди 85 депутатов, чей сословный статус нам известен, крестьяне составляли больше 40%, хотя, по сути, их связывало с деревней лишь происхождение. Второй по численности категорией, как и в общероссийской структуре, были мещане – свыше 20%; 17% – дворяне и почетные граждане. Особого внимания заслуживает обилие выходцев из духовного сословия – 15%. В последнем случае могут быть приняты любые объяснения – от растущей безрелигиозности и даже атеизации общества до смены одной веры как формы общественного сознания, одной религии на другую. На деле же это вполне обычное в радикальной среде явление, ибо способ усвоения любой догматики адекватен, а подмена религиозной веры социалистическим учением сделала его квазирелигией, наружно прикрытой одеждой атеизма. Духовная семинария все более становилась способом получения образования, повышения своего социального статуса (большинство семинаристов – сыновья бедного сельского духовенства), нежели приготовления к служению Богу, а это придавало душе иную формацию – двоедушие.

При весьма демократическом составе Комуча его участников отличал в целом довольно высокий уровень образования: из 85 человек 54 имели высшее или незаконченное высшее образование, и только 12 остались на низшей ступени. Это наблюдение, впрочем, амбивалентно, поскольку оно говорит не только о растущей доступности элитарного образования в России начала XX века, но и о тех его свойствах, о которых не принято было говорить после авторов «Вех». [3,185-208] Модернизация страны шла рука об руку с маргинализацией студенчества. В результате высшая школа в царской России была настоящей кузницей не только специалистов, но и революционных кадров. В стране не было более политизированных учреждений, чем вузы. Политизация студенчества зашла настолько, что заниматься «чистой» наукой считалось постыдным. При этом большинство членов Комуча получило свое образование несистематически, переходя из вуза в вуз, учась с перерывами, а то и вовсе бросая учебу.

Говоря о судьбе Комуча или его предшественника – Всероссийского Учредительного собрания, трудно удержаться от сопоставления с конкретной судьбой его членов. Она весьма печальна, если не трагична. По нашим данным, основанным на Книгах Памяти Всероссийского общества «Мемориал», данных ЦА ФСБ, других источниках, 12 человек погибли в Гражданскую войну, 46 (а фактически – больше) сгинули в политических «чистках» в СССР в 1930-1940-е годы. 18 человек эмигрировали, чем, возможно, спасли себе жизнь. Из оставшихся в СССР только двоим (сибирянин К.Я. Воробьев и оренбуржец А.И. Кривошеков) посчастливилось умереть своей смертью, впрочем, Воробьев просто не дожил до 1937 года.

Беглый социографический обзор показывает, что социальной базой российских партий и, соответственно, политической элиты были не пролетариат, буржуазия или крестьянство, а различные этажи маргинальных городских слоев. Большой столичный город уступал первенство в «производстве» будущих политиков провинциаль-

ным губернским и уездным центрам. Со второй половины 1880-х годов все больше будущих революционеров давала деревня.

Революция ускорила эскалатор вертикальной социальной мобильности, вынесла наверх выдвиженцев из низших общественных слоев, менее затронутых воспитанием и образованием. Разумеется, она предъявила повышенный спрос на радикалов, резко сдвинув всю политическую элиту влево.

Политическая элита России начала XX века – скороспелое детище модернизации страны. Сильно маргинализованная, она не имела за плечами прочных культурно-исторических традиций, долгого цикла вызревания. В ее сознании переплетались черты космополитического мышления (в марксистском его варианте) и архетипы национально-религиозного сознания, в психологии нетерпимость и нетерпение брали верх над выдержкой и толерантностью, в своем поведении она опиралась на разбуженные социальные инстинкты. Наивно полагать, будто политические лидеры по своему усмотрению направляли руль истории – не Ленин и Троцкий, не Керенский и Чернов определяли ход событий, они достигали успеха лишь тогда, когда улавливали настроения социальных низов, превращая их в лозунги текущей политики.

Говоря словами П.Б.Струве, «прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершилась с ошеломляющей быстротой» [6, 148]. Этот симбиоз отчетливо и наглядно проявился в составе и облике Комуча.

Библиографический список

1. Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб., 1993. Здесь и далее в скобках указаны номера страниц.
2. Дьячков В.Л. О женской доле, мужской роли и нашем месте под Солнцем, или о том, что бывает за неправильное и несознательное демографическое поведение // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000.
3. Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях) // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.
4. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990.
5. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв. Энциклопедия. М., 1996.
6. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.
7. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка, проведение, итоги. М., 2002.

L.G.Protasov

COMMITTEE OF THE CONSTITUENT ASSEMBLY DEPUTIES: THE SOCIAL PORTRET IN A MIRROR OF THE RUSSIAN REVOLUTION

The article is focused on the party structure of Samara's Committee of the Constituent Assembly deputies (the Komuch). The Komuch is viewed as a sampl of Revolutinary Russia's provincial political elite. A correlation of demographic and political factors is stressed like a basic component of Russian social catastrophe of the first 20th decades.